

Кихней Л. Г. Эпитафические посвящения Гумилеву соратров по акмеистическому цеху : игра явных и тайных смыслов / Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 256—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-256-271.

Kihney, L. G., Lamzina, A. V. (2021). Epitaph Dedication to Gumilyov by His Fellow Acmeists: a Play of Obvious and Secret Meanings. *Nauchnyi dialog*, 12: 256-271. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-256-271. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-256-271

Эпитафические посвящения Гумилеву соратров по акмеистическому цеху: игра явных и тайных смыслов

Кихней Любовь Геннадьевна¹
orcid.org/0000-0003-0342-7125
доктор филологических наук,
профессор
заведующий кафедрой истории
журналистики и литературы
lgkihney@yandex.ru

Ламзина Анна Владиславовна²
orcid.org/0000-0001-6464-9675
кандидат филологических наук,
старший
преподаватель департамента
иностранных языков
alamzina@mail.ru

¹ Институт международного права
и экономики имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

² Московский физико-технический
институт (национальный
исследовательский университет)
(Долгопрудный, Россия)

Epitaph Dedication to Gumilyov by His Fellow Acmeists: a Play of Obvious and Secret Meanings

Lyubov G. Kihney¹
orcid.org/0000-0003-0342-7125
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of History
of Journalism and Literature
lgkihney@yandex.ru

Anna V. Lamzina²
orcid.org/0000-0001-6464-9675
PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of Foreign Languages
alamzina@mail.ru

¹ A. S. Griboedov Institute
of International Law and Economics
(Moscow, Russia)

² Moscow Institute of Physics and
Technology (National Research
University)
(Dolgoprudny, Russia)

© Кихней Л. Г., Ламзина А. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос о тайном поминовении Н. С. Гумилева его соратниками. Уделяется внимание роли рамочного текста — заголовков, посвящений, датировки стихотворений — в формировании криптотекста, сокрытия информации. Представлены результаты сопоставительного анализа текстов М. А. Зенкевича, В. И. Нарбута и С. М. Городецкого — так называемых «малых» акмеистов, которые имплицитно и эксплицитно отреагировали на смерть Н. С. Гумилева. Поднимается вопрос о противопоставлении скрытой эпитафии «для посвященных», представленной в цикле переводов из А. Шенье, выполненных М. А. Зенкевичем, и в изданном сборнике В. И. Нарбута «Казненный Серафим», явной эпитафии-пасквилю, созданной С. М. Городецким. Новизна исследования видится в том, что рассматриваются средства создания «тайного некролога», дискурс которого был распространен во время политических репрессий и расстрелов. Актуальность исследования обусловлена рассмотрением стихотворений-некрологов в творчестве мало исследованных авторов-акмеистов. Авторы останавливаются на проанализированных ранее тайных поминовениях Н. С. Гумилева в стихах А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама, которые по своему содержанию ближе к энигматической тризне, тайному поминовению близких людей. Доказано, что Нарбут и Зенкевич создают криптонекролог, скрытую эпитафию, более близкую к жанру надгробной речи.

Ключевые слова:

Гумилев; Нарбут; Зенкевич; Городецкий; акмеизм; эпитафия; некролог; криптотекст; рама текста.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of secret commemoration of N. S. Gumilyov by his associates is discussed in the article. Attention is paid to the role of the frame text — titles, dedications, dating of poems — in the formation of the crypto text, hiding information. The results of a comparative analysis of the texts by M.A. Zenkevich, V.I. Narbut and S.M. Gorodetsky — the so-called “small” acmeists, who implicitly and explicitly reacted to the death of N.S. Gumilyov. The question is raised about the opposition of the hidden epitaph “for the initiated”, presented in the cycle of translations from A. Chenier, performed by M.A. Zenkevich, and in the unpublished collection of V.I. Narbut “Executed Seraphim”, an explicit lampoon epitaph created by S.M. Gorodetsky. The novelty of the research is seen in the fact that the means of creating a “secret obituary”, the discourse of which was widespread during political repressions and executions is considered. The relevance of the study is due to the consideration of obituaries in the works of little-studied authors-acmeists. The authors dwell on the previously analyzed secret commemorations of N.S. Gumilyov in A.A. Akhmatova and O.E. Mandelstam, which in their content is closer to the enigmatic funeral, secret commemoration of loved ones. It is proved that Narbut and Zenkevich create a cryptonecrology, a hidden epitaph, closer to the genre of a funeral speech.

Key words:

Gumilev; Narbut; Zenkevich; Gorodetsky; acmeism; epitaph; obituary; cryptotext; text frame.

Эпитафические посвящения Гумилеву собратъев по акмеистическому цеху: игра явных и тайных смыслов

© Кихней Л. Г., Ламзина А. В., 2021

1. Введение

Расстрел Н. С. Гумилева в 1921 году произвел глубочайшее впечатление на его соратников. В силу обстоятельств смерти поэта открыто писать о его гибели было невозможно, и среди бывших участников «Цеха поэтов» возник концепт своеобразной «криптоэпитафии» — зашифрованного посвящения, которое, как правило, было достаточно прозрачным по смыслу для понимающей аудитории, но не содержало явных отсылок к опасной тематике. Сложившаяся ситуация усугублялась тем, что буквально за три недели до расстрела Гумилева умер Александр Блок, которому открыто посвящали эпитафии (ср. В. Нарбут «На смерть Александра Блока» [Нарбут, 1990, с. 226] и др.). Также многие авторы эксплицитно ставили рядом смерть Гумилева и Блока — например, М. Волошин написал стихотворение «На смерть Блока и Гумилева» [Волошин]. В журнале «Искусство», изданном в Баку в октябре 1921 года, был также опубликован совместный некролог двум поэтам С. Городецкого [Искусство ..., 1921]. В мемуарах В. Ф. Ходасевича «Некрополь» этим двум знаковым фигурам посвящена совместная глава «Гумилев и Блок», в самом начале которой автор привлекает внимание к тому факту, что эти поэты умерли фактически в течение одного месяца — августа 1921 года [Ходасевич, 2017, с. 115—137].

Фигура умолчания в отношении Гумилева порождает скрытый текст — его сподвижники-акмеисты, каждый по-своему, отразили в стихотворениях потрясшее их событие.

В качестве материала данного исследования рассматриваются стихотворения и сборники 1921—1922, созданные авторами, непосредственно общавшимися с Н. С. Гумилевым при жизни. Рама текста стихотворений и сборников и их непосредственное содержание служили своего рода потаенным паролем, опознавательным знаком для идентификации «своего». Имплицитным, потаенным поминовением Н. С. Гумилева считаем следующие произведения: стихотворение О. Э. Мандельштама об Исаакиевском соборе, имеющее две редакции [Мандельштам, 1990, т. 1, с. 137], несколько стихотворений А. Ахматовой («Не бывать тебе в живых...» (1921), «Предсказание» (1922), «Новогодняя баллада» (1923), «Заклинание» (1936)) [Ахматова, 1998], стихотворения М. А. Зенкевича «Ямбы» (перевод из А. Ше-

ные), написанные в 1921 году [Зенкевич, 1994], сборник В. И. Нарбута «Казненный серафим», который был составлен автором в 1922 году [Нарбут, 1990]. Все эти произведения объединены тем, что в них нет открытого упоминания Н. С. Гумилева, однако присутствуют легко считываемые отсылки к его личности и обстоятельствам смерти.

В качестве референса привлекается также стихотворение С. М. Городецкого, эксплицитно названное «Николай Гумилев» [Городецкий]. Оно представляет собой антитезу произведениям других авторов: отмечая в заглавии имя адресата, Городецкий по содержанию дистанцируется от них, фактически создавая посмертный пасквиль.

Стихотворения А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама посвящены личным обстоятельствам, связывающим авторов с фигурой Н. С. Гумилева, и использованные в них образы и скрытые отсылки подробно проанализированы в отечественной и зарубежной науке. Один из авторов этой статьи рассматривает эпитафические стихотворения Ахматовой и трансформацию в стихотворениях поэта фольклорного жанра «причитания» [Кихней, 2005], посвящения А. Ахматовой различным людям проанализированы также в статье Г. Михайловой [Михайлова, 2010]. Скрытый смысл произведения О. Э. Мандельштама об Исаакиевском соборе также проанализирован в исследовании одного из авторов данной статьи [Кихней, 2016], а две редакции этого произведения как поливариантный текст сопоставлены Б. А. Минц [Минц, 2013].

Учитывая выводы, полученные указанными исследователями, мы привлекаем для подробного анализа тексты «малых» акмеистов — Зенкевича, Нарбута, Городецкого, особенно интересные тем, что в них чрезвычайно функционально нагружены элементы рамы текста — заголовки, посвящения, названия сборников и разделов, наличие и отсутствие даты написания стихотворения. Рамочный текст позволяет направить мысли читателя, и в то же время он выступает как своего рода пароль для посвященных — и «отзывает» на этот пароль со стороны отмежевывающихся, несогласных.

2. Рама текста как скрытая мемориальная отсылка к казни Гумилева в переводах М. А. Зенкевича А. Шенье

Литературный отклик М. А. Зенкевича на смерть Н. С. Гумилева был в задуманном им переводе и не опубликованном посвящении — как указывает О. А. Лекманов, цитируя записи из архива семьи поэта, «в 1921—1922 годы Зенкевич напряженно работал над переводом стихов Андре Шенье о Великой французской революции. В сознании бывшего левого акмеиста эта работа увязывалась с желанием обозначить свое подлинное отношение к обстоятельствам, стоявшим за гибелью Николая Гумилёва» [Лекманов, 2006].

В письме М. Лозинскому 3 января 1922 года Зенкевич пишет об этих стихах: «Хотел бы их потом издать со статьей отдельной книжечкой и посвятить памяти Николая Степановича. Но сейчас это вряд ли возможно — но стихи живые и очень сильные, в них Шенье окончательно становится великим поэтом, близким, как Байрон, 19 веку» [Лекманов, 2006]. Посвящение опубликовано не было, замысел отдельной книги также не был реализован, однако большинству современников была ясна интенция этих стихов.

Прежде всего, Зенкевич обращается именно к переводу произведений, созданных А. Шенье в тюрьме, в преддверии казни. А. Д. Михайлов отмечает, что Шенье писал «Ямбы» практически «на пороге эшафота» [Михайлов, 1989], и эти стихотворения разительно отличаются от более ранней лирики поэта — они преисполнены нетерпимости, обличительного пафоса и адресуются конкретным политическим деятелям. Обстоятельства смерти Шенье не могут не вызывать в памяти обстоятельства смерти Гумилева — однако, в отличие от Шенье, Гумилев не имел возможности поделиться своими последними стихами с современниками. Как указывает Л. А. Озеров, Зенкевич обратился к тексту Шенье самостоятельно, это было порывом его души, а не заказом от издательства [Зенкевич, 1994]. М. А. Зенкевич переводит произведения не только из цикла «Ямбы», но и из цикла «Оды» (включенное в «Ямбы» Зенкевича стихотворение «Убийца прячется под фонарем в тумане» представляет собой перевод произведения Шенье “Un vulgaire assassin” [Шенье, 1889, с. 277], входящего в «Оды»), однако заглавие цикла указывает только на «Ямбы». Это отсылка к стихотворению Н. С. Гумилева «Пятистопные ямбы», которое, в свою очередь, посвящено еще одному поэту из круга акмеистов — М. Лозинскому — адресату письма М. А. Зенкевича.

Обстоятельства гибели Шенье интересны не только трагической гибелью поэта: он был казнен буквально за несколько дней до падения режима Робеспьера, то есть мог бы остаться в живых. Брат Шенье, Мари-Жозеф, горячо просил о его помиловании и старался максимально затянуть рассмотрение дела, однако не смог спасти поэта от гибели. Проводя параллель между Гумилевым и Шенье, Зенкевич, таким образом, намекает и на попытки добиться пересмотра приговора Гумилева. По воспоминаниям современников, Горький сокрушался, что ему не хватило времени спасти Гумилева [Замятин, 93]. Также в непроизнесенном посвящении содержится и другой важный намек: режим недолговечен, его падение — вопрос времени. Открыто высказать эту мысль поддерживающий революцию Зенкевич, конечно, не мог, ему оставалось оперировать скрытыми намеками.

Откликом на этот перевод и тайной поддержкой замысла Зенкевича звучат слова О. Э. Мандельштама, написанные им в 1922 году в статье «О природе слова»: «Акмеистический ветер перевернул страницы клас-

сиков и романтиков, и они раскрылись на том самом месте, какое всего нужнее было для эпохи. Расин раскрылся на “Федре”, Гофман на “Серапионовых братьях”. Раскрылись ямбы Шенье и гомеровская “Илиада”. Акмеизм не только литературное, но и общественное явление в русской истории. С ним вместе в русской поэзии возродилась нравственная сила» [Мандельштам, 1990, т. 2, с. 186]. Эпиграфом к этой статье выступают стихи Н. С. Гумилева «Слово» — в раме текста присутствует прямая связь с «раскрывшимися» в переводах Зенкевича «Ямбами» Шенье. Указанием на тот факт, что Мандельштам считал и расшифровал мысль Зенкевича, является высказанное им суждение, что именно «Ямбы» являются самыми нужными для эпохи и непосредственно связаны с раскрытием нравственной силы русской поэзии в акмеизме.

3. Сборник В. И. Нарбута «Казненный серафим» как тайная тризна по Н. С. Гумилеву: функции заголовочного комплекса

Более прозрачная отсылка к обстоятельствам смерти Н. С. Гумилева, возможно, ставшая причиной того, что сборник не был опубликован, представлена в рамочном тексте сборника В. И. Нарбута «Казненный Серафим». «Л. Чертков датирует ее 1922 г., Р. Нарбут — 1925-м, М. Зенкевич — 1928-м. Возможно, что эти три даты и не противоречат друг другу. Рукопись могла быть собрана в 1922 г., предложена издательству — в 1925, и т. к. не была издана, поэт мог продолжать работать над ней до 1928 г. И м. б., именно в этом году или позднее, но датированная 1928 г. она была передана им Мих. Зенкевичу» [Нарбут, 1990, с. 427].

Книга содержит разделы «На рассвете, праведником», «Казнь» и «После гибели», что явным образом отсылает к расстрелу Гумилева. В газете «Революционное дело» описывались обстоятельства расстрела участников так называемого «таганцевского заговора»: «Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской железной дороги. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму» [Мазурик]. Исследователи творчества Нарбута Н. Бялосинская и Н. Панченко видят в таком построении сборника пророческое видение Нарбутом своей будущей судьбы: «Все, уже известные, элементы поэтики Нарбута, все извечные мотивы его поэзии налицо в этой книге, чуть ли не нарочито упрощенно выстроенной как бы в автобиографическом сюжете и четко поделенной на разделы: “На рассвете праведником”, “Казнь”, “После гибели”» [Нарбут, 1990, с. 37].

Нам представляется, что Нарбут, безусловно, говоря о судьбе множества расстрелянных в те годы людей и опасаясь, что такая же судьба уготована и ему самому, в первую очередь отсылал к обстоятельствам гибели Гумилева.

Диалог двух поэтов через раму текста прослеживался и ранее: так, в 1920 году В. И. Нарбут выпустил сборник «В огненных столбах», название которого перекликается с названием книги Н. С. Гумилева «Огненный столп»: «В. Нарбут вынул из ящика письменного стола и показал также книжку своих стихов под названием «В огненных столбах», изданную за год до гумилевской в Одессе Губиздатом. «Нам всем гореть огненными столпами, — сказал он мне. — Но какой ветер развеет наш пепел?» [Нарбут, 1994, с. 35].

В обоих случаях присутствует отсылка к библейскому образу огненного столпа, в образе которого являлся Бог. В «Казненном серафиме» Нарбут отсылает не только к библейскому серафиму, но и к образу серафима, явившегося пророку, из «Пророка» Пушкина. Также в этом образе для Нарбута много личного. Серафим, безусловно, связан с именем *Серафима* — так звали жену Нарбута, Серафиму Суок. Именно в 1922 году после периода трудных взаимоотношений Владимир Нарбут и Серафима Суок поженились.

В то же время серафим — это и божественный посланник, о котором писал не только Пушкин в «Пророке», но и Гумилев во «Фра Беато Анжелико»:

*И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно*
[Гумилев, 1988, с. 216]

Поэзия и живопись вызывали у Нарбута сильнейшую эмоциональную реакцию. Георгий Иванов в мемуарах «Петербургские зимы» упоминает о том, какие чувства у Нарбута вызывало восприятие живописи Рафаэля и стихотворений Пушкина: «Да, это — красота, это — искусство. Полчаса глядел, — а на всю жизнь хватит. На сто жизней!... Да, это искусство! Или еще Пушкин:

*На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною...*

Об этих стихах даже думать спокойно не могу, сейчас сердце колотиться начинает» [Иванов, 1989]. Образ серафима-посланника, дарующего истинный талант, возникает в стихотворениях сборника «Казненный Серафим», и в словах автора звучит сожаление, что он сам не способен ощутить и оценить явление этого серафима, ему остается лишь завидовать:

*Прыснул и волосы сдунул
Со лба моего на затылок:
Где уж тягаться с Фортуной,
С отчаянной сворой бутылок.
Тридцать четвертый, и можно
Мне быть бы профессором даже.
Вместо сего, лишь мороженое
Я кушаю в гущи сограждан
...
Кактусы, точно драгуны.
Стоят по обеим перилам...
Где уж тягаться с Фортуной,
И с этим... да вот... шестикрылым
(«Серафический») [Нарбут, 1990, с. 254]*

Стихотворение «Серафический» замыкает часть «Казнь» и непосредственно предшествует последней части сборника — «После гибели», в которую автором включено одно-единственное стихотворение «Встреча», под которым, одним из немногих в этом сборнике, автор ставит дату — 1921 год. В этих стихах говорится об уже посмертной встрече:

*За чайником в лиловых разводах
(фарфоровый Попов) помолчим,
О бывших венценосных погодах
взмурлычет паровой серафим
[Нарбут, 1990, с. 255].*

Серафимом, по нашей гипотезе, для Нарбута выступал Н. С. Гумилев, друг и учитель, «в колее» которого некоторое время следовал поэт. Нарбут был единственным из соратников Гумилева, кто, как и сам основатель акмеизма, предпринял путешествие в Африку — у Г. Иванова сохранилось воспоминание об импровизированном «экзамене», который по требованию публики устроил Нарбуту Гумилев. Итогом экзамена стало суждение: «Не врет, — хлопнул его по плечу Гумилев. — Был в Джибутти. Удостоверяю» [Иванов, 1989]. В романе В. Катаева «Алмазный мой венец», где Нарбут выведен под прозвищем «колченогий», сказано: «...он считался намного выше нас как поэт, над которым незримо витала зловещая тень Гумилева, некогда охотившегося вместе с колченогим в экваториальной Африке на львов и носорогов...» [Катаев, 1986, с. 58]. Это указывает на восприятие Нарбута литературной общественностью в связи с фигурой Гумилева, что

также не могло не способствовать однозначному прочтению названия книги «Казненный серафим».

Тексты стихотворений в этой книге изобилуют отсылками к позднему творчеству Н. С. Гумилева и к скрытому поминовению поэта М. А. Зенкевичем циклом «Ямбы». Так, в произведении «Отечество» Нарбут пишет:

*Вконец опротивели ямбы,
А ямами разве уйдешь?
И что — дифирамб? Я к херам бы
Хирама и хилый галдеж!*
[Нарбут 1990, с. 253].

В этом тексте в характерном для Нарбута эпатирующем каламбуре упоминаются и ямбы, и Хирам, к образу которого обращается Гумилев в своих «Пятистопных ямбах» в редакции 1913 года:

*Лишь изредка надменно и лукаво
Во мне кричит ветшающий Адам,
Но тот, кто видел лилию Хирама,
Тот не грустит по сказочным садам.*
[Гумилев, 1923, с. 52].

Яма, перекликающаяся в каламбуре Нарбута с ямбом, — ключевой образ другого позднего стихотворения Н. С. Гумилева, «Звездный ужас» («страх, петля и яма») [Гумилев, 1988, с. 342]). Также яма упоминается в стихотворении О. Э. Мандельштама как образ посмертного поминовения — в честь поэта названа «эта улица / Или, верней, эта яма» [Мандельштам, 1990, т. 1, с. 213].

В другом тексте из сборника «Казненный Серафим», «Плавание», присутствуют образы, отсылающие к «Заблудившемуся трамваю». Лирический герой «Плавания», как и герой «Заблудившегося трамвая», садится в мистическое «транспортное средство»:

*Поезда, трамваи, карусели,
Глазом обведенное ландо, —
Плавно вы вошли и плавно сели,
Тронулись, — седой и молодой*
[Нарбут 1990, с. 240].

В конце текста первая строфа повторяется со своеобразным ответом на гумилевское:

*Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет...*
[Гумилев 1988, с. 332].

Нарбут учитывает это понимание, открывшееся его герою:

*Так, вошли жильцы и мягко сели
(Свет-то тот!), — седой и молодой...*
[Нарбут, 1990, с. 241].

При этом среди пассажиров мистического экипажа присутствует и сквозной герой сборника — серафим:

*А глазетовый, в рессорах хлябкий,
Экипаж лишь спицами спешит,
И под скромной, с васильками, шляпкой
Серафим снежинкой порошит*
[Нарбут, 1990, с. 240].

Помимо «Заблудившегося трамвая», «Плавание» отсылает и к раннему «Путешествию в Китай»: как и у Гумилева, возникает образ совместного посмертного плавания:

*Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть!*
[Гумилев, 1988, с. 136].

Среди плывущих в Китай Гумилев упоминает «мэтра Рабле» — знаковую фигуру акмеизма, одного из тех авторов, на которых Гумилев предлагал ориентироваться. Раблезианское «крыло» акмеизма представлено именно физиологичной, эпатуирующей поэзией Нарбута и Зенкевича. В «Плавании» о Китае упоминается эксплицитно:

*Ты плыви вдоль улиц и вдоль станций,
Сатана в сатине, ты же стань,
Ангелок, на сопке у китайца, —
Стань и стой в зачумленную рань!*
[Нарбут, 1990, с. 240].

Обращает на себя внимание и значимое отсутствие — как в текстах Нарбута, так и в «Ямбах» Зенкевича — эксплицитного упоминания о Ни-

колае Гумилеве. Присутствует потаенная переключка, узнаваемый шифр, Гумилев предстает то в образе Шенье, то в образе серафима. Политическая обстановка такова, что позитивно оценивать искусство поэта, осужденного за участие в контрреволюционном заговоре, нельзя.

4. Посвящение С. Городецкого «Николаю Гумилеву» (1921) как посмертный пасквиль

По контрасту с Нарбутом, Зенкевичем, Ахматовой и Мандельштамом выступает С. Городецкий, который в 1921 году пишет стихотворение «Николаю Гумилеву» [Городецкий, 1987, с. 373—374].

Ранее Городецкий вступал в скрытую полемику с Гумилевым. Гумилев в 1912 году пишет стихотворение «Фра Беато Анджелико», в котором восхищается живописью знаменитого флорентийца; в том же году Городецкий пишет стихотворение с тем же заглавием, что и у Гумилева, которое построено как имплицитный спор с собратом по литературному цеху (не случайно стихотворение начинается с вопроса-обращения к некоему адресату). Городецкий противопоставляет восторженным суждениям Гумилева — негативную оценку:

*Ты хочешь знать, кого я ненавижу?
Конечно, Фра Беато Анджелико.
Я в нем не гения блаженства вижу,
А мертвеца гробницы невеликой*
[Городецкий, 2004].

Осуждение художника построено как эмоциональный и бездоказательный ответ Гумилеву — все те качества, которые в творчестве Анджелико вызывают восхищение Гумилева, последовательно вызывают отвращение Городецкого.

Эксплицитная реакция на смерть Гумилева — единственное стихотворение представителя акмеистической школы, написанное непосредственно после гибели Гумилева, в котором открыто сказано, кому именно оно посвящено. По сути дела, это посмертное посвящение представляет собой стихотворный пасквиль. Городецкий акцентирует мелкость фигуры Гумилева и непонимание им сути происходящего в стране:

*К вершине шел и рай указывал,
Где первозданный жил Адам, —
Но под обложкой лупоглазого
Журнала петербургских дам.*

*Когда же в городе огромнутом
Всечеловеческий встал бунт,
Скитался по холодным комнатам,
Бурча, что хлеба только фунт.*

*И ничего под гневным заревом
Не уловил, не уследил,
Лишь о возмездье поговаривал
Да перевод переводил.*
[Городецкий, 1987, с. 373]/

Гумилев предстает в этом стихотворении мелким, сосредоточенным только на собственных проблемах человеком, а вовсе не гениальным творцом и провидцем-визионером (по слову А. Ахматовой). В упоминании «лупоглазого» журнала зашифрована фонетическая отсылка к названию журнала «Аполлон», в котором, кстати сказать, были опубликованы акмеистические манифесты как Гумилева, так и самого Городецкого. Композиционно стихотворение Городецкого представляет собой обесцененное, пародийное выворачивание жанра некролога — рассказ о биографии покойного в хронологическом порядке.

Зачем Городецкий пишет, а главное — публикует — этот посмертный доклад сразу после казни Гумилева? Это объясняется тем, что Городецкому важно в новой политической реальности отмежеваться от бывшего соратника по литературному цеху, а ныне разоблаченного и расстрелянного врага советской власти. Это нужно было сделать быстро, дабы заявить о своей лояльности новому режиму: слишком многое связывало Городецкого в прошлом с участником антисоветского заговора: оба были «синдиками» «Цеха поэтов», более того, оба позиционировали себя как организаторы школы акмеизма.

По нашей гипотезе, это стихотворение было первой непосредственной реакцией на гибель Гумилева — и на него отзываются «малые акмеисты» Нарбут и Зенкевич, видящие в погибшем Гумилеве невинно осужденного поэта, жертву режима, подобного Андре Шенье, и посланника-серафима. Используя тот же инструмент, что и Городецкий, — раму текста, — но в гораздо более тонкой, неявной манере, друзья Гумилева дистанцируются от посмертного осуждения дорогого им человека и обращают внимание на общественно значимый и даже сакральный статус его личности.

5. Заключение

Анализ стихотворений трех поэтов из круга акмеистов — Михаила Зенкевича, Владимира Нарбута и Сергея Городецкого — указывает на важ-

нейшую роль рамы текста в передаче имплицитных смыслов и обмене информацией в межтекстовом диалоге. Заглавия текстов, их посвящения и датировка, названия сборников стихотворений и их разделов становятся указателями на скрытый смысл произведений. Полемиически резкий пасквиль Городецкого, отрицательные эпитеты в адрес Нарбута в мемуарах Катаева указывают на то, что современникам была понятна коммуникативная интенция поэтов, они живо реагировали на зашифрованную информацию. В тайных поминовениях А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама речь идет скорее о личных обстоятельствах, связывающих их с погибшим поэтом. У Зенкевича и Нарбута эпитафическая лирика приобретает социально-политическую и даже религиозную окраску. Через предполагаемое (не опубликованное, но известное всем понимающим читателям) посвящение текста и заголовка Зенкевич связывает образ Николая Гумилева с трагической гибелью в годы Французской революции поэта Андре Шенье, образ которого акцентирует внимание не только на казни, но и на возможном, но не состоявшемся спасении. Более того, понимающему читателю передается мысль о возможной скорой гибели режима, погубившего поэта. Мандельштам считывает этот шифр и отсылает к нему в своей статье, присоединяясь тем самым к эпитафии Зенкевича.

В эзотерических стихотворениях Нарбута, пронизанных гумилевскими аллюзиями, собрат по акмеистическому «цеху» предстает как поэт, прокладывающий новые пути в искусстве слова, зачинатель поэтики «магического реализма»; его безвременная гибель ассоциируется у автора с казнью серафима, отозвавшейся в заглавии одной из его поэтических книг начала 1920-х годов.

Особняком в этом ряду стоит посмертный пасквиль С. М. Городецкого, в жесткой антитезе с которым находятся потаенные эпитафии Нарбута и Зенкевича, равно как Ахматовой и Мандельштама.

Источники

1. *Ахматова А. А.* Собрание сочинений в 6 т. / А. А. Ахматова. — Москва : Эллис Лак, 1998. — Т. 1. — 968 с. — ISBN 5-88889-029-4.
2. *Волошин М. А.* На смерть Блока и Гумилева [Электронный ресурс] / М. А. Волошин. — Режим доступа : <https://gumilev.ru/additional/104/> (дата доступа 19.10.2021).
3. *Городецкий С. М.* Избранные произведения. В 2 т. / С. М. Городецкий // Стихотворения. — Москва : Художественная литература, 1987. — Т. 1. — 479 с.
4. *Городецкий С. М.* Canti d'Italia (10 стихотворений из книги 1912 г. «Итальянские песни») / публ. В. Енишерлова [Электронный ресурс] / С. М. Городецкий // Наша наследие. 2004. — № 70. — Режим доступа : <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7013.php> (дата доступа 19.10.2021).
5. *Гумилев Н. С.* Посмертный сборник / Н. С. Гумилев. — Петроград : Мысль, 1923. — 128 с.

6. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы / Н. С. Гумилев. — Ленинград : Советский писатель, 1988. — 632 с. — ISBN 5-265-00223-5.

7. Замятин Е. И. Лица / Е. И. Замятин. — Нью-Йорк : Международное литературное содружество, 1967. — 334 с.

8. Зенкевич М. А. Сказочная эра : Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары / М. А. Зенкевич. — Москва : Школа-Пресс, 1994. — 675 с.

9. Иванов Г. Петербургские зимы / Г. Иванов. — Москва : Книга, 1989. — 574 с. — ISBN 5-212-00189-7.

10. Искусство. 1921. № 2—3. — Баку : Орган отдела искусств Наркомпроса АССР, 1921.

11. Катаев В. П. Алмазный мой венец / В. П. Катаев. — Кишинев : Лумина, 1986. — 480 с.

12. Мандельштам О. Э. Сочинения : В 2 т. / О. Э. Мандельштам. Сост. П. М. Нерлера, С. С. Аверинцева. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 1. — 638 с ; Т. 2. — 464 с. — ISBN 5-280-00559-2.

13. Нарбут В. И. Стихотворения / В. И. Нарбут. — Москва : Современник, 1990. — 450 с. — ISBN 5-270-00237-х.

14. Ходасевич В. Ф. Некрополь / В. Ф. Ходасевич. — Москва : Рипол-Классик, 2017. — 272 с. — ISBN 978-5-386-09837-7.

15. Chénier A. Œuvres poétiques / A. Chénier. Texte établi par Louis Moland, Garnier, 1889. — Vol. 2. — 373 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бялосинская Н. Косой дождь / Н. Бялосинская, Н. Панченко // Нарбут В. И. Стихотворения. — Москва : Современник, 1990. — С. 5—44. — ISBN 5-270-00237-X.

2. Кихней Л. Г. Жанровое своеобразие эпитафической лирики Ахматовой / Л. Г. Кихней // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : Крымский Ахматовский научный сборник. — Симферополь : Крымский Архив, 2005. — Выпуск 3. — С. 33—46.

3. Кихней Л. Г. Метафора зерна в стихотворении О. Мандельштама «Люблю под сводами седья тишины...» / Л. Г. Кихней // «Пир — это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре. — Москва : Издательство ББИ, 2016. — С. 180—189. — ISBN 978-5-89647-336-7.

4. Лекманов О. А. Николай Гумилев и левые акмеисты : новые и малоизвестные материалы / О. А. Лекманов // Гумилевские чтения. Материалы международной конференции, 14—16 апреля 2006 г. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУП, 2006. — С. 279—283. — ISBN 5-7621-0302-1.

5. Мазурик Л. Как шили дело против поэта Николая Гумилева [Электронный ресурс] / Л. Мазурик. — Режим доступа : <https://pravo.ru/process/view/22152/> (дата доступа 18.10.2021).

6. Минц Б. А. Две редакции стихотворения О. Мандельштама об Исаакиевском соборе : к проблеме поливариантности / Б. А. Минц // Филологические науки : вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (27). — Ч. 1. — С. 113—117.

7. Михайлов А. Д. Андре Шенье — ямбы / А. Д. Михайлов // Иностранная литература. — 1989. — № 7. — С. 145—147.

8. Михайлова Г. Стихотворные посвящения Анны Ахматовой в социокультурном пространстве 1940—1960-х годов / Г. Михайлова // Literatūra. — 2010. — № 52 (2). — С. 63—79.

9. Озеров Л. А. Михаил Зенкевич : тайна молчания / Л. А. Озеров // Зенкевич М. А. Сказочная эра : Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. — Москва : Школа-Пресс, 1994. — 675 с. — ISBN 5-88527-075-9.

MATERIAL RESOURCES

- Akhmatova, A. A. (1998). *Collected works: in 6 volumes, 1*. Moscow: Ellis Luck. 968 p. ISBN 5-88889-029-4. (In Russ.).
- Art. 1921, 2—3. (1921). Baku: Organ of the Department of Arts of the People's Commissariat of the ASSR. (In Russ.).
- Chénier, A. (1889). *Œuvres poétiques, 2*: 373 p. (In Franc.).
- Gorodetsky, S. M. (1987). *Selected works: In 2 volumes, 1. Poems*. Moscow : Fiction. 479 p. (In Russ.).
- Gorodetsky, S. M. (2004). Canti d'Italia (10 poems from the 1912 book "Italian Songs"). In: *Our heritage, 70*. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7013.php> (accessed 19.10.2021). (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1923). *Posthumous collection*. Petrograd: Mysl. 128 p. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1988). *Poems and poems*. Leningrad: Soviet Writer. 632 p. ISBN 5-265-00223-5. (In Russ.).
- Ivanov, G. (1989). *Petersburg winters*. Moscow: Book. 574 p. ISBN 5-212-00189-7. (In Russ.).
- Kataev, V. P. (1986). *My Diamond crown*. Chisinau: Lumina. 480 p. (In Russ.).
- Khodasevich, V. F. (2017). *Necropolis*. Moscow: Ripoll-Classica. 272 p. ISBN 978-5-386-09837-7. (In Russ.).
- Mandelstam, O. E. (1990). *Essays: In 2 volumes, 1, 2*. Moscow: Fiction. 638 p.; 464 p. ISBN 5-280-00559-2. (In Russ.).
- Narbut, V. I. (1990). *Poems*. Moscow: Sovremennik. 450 p. ISBN 5-270-00237-x. (In Russ.).
- Voloshin, M. A. *On the death of Blok and Gumilev*. Available at: <https://gumilev.ru/additional/104/> (accessed 19.10.2021). (In Russ.).
- Zamyatin, E. I. (1967). *Persons*. New York: International Literary Community. 334 p. (In Russ.).
- Zenkevich, M. A. (1994). *The Fabulous Era: Poems. The story. Fictional memoirs*. Moscow: School-Press. 675 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Byalosinskaya, N., Panchenko, N. (1990). Oblique rain. In: *Narbut, V. I. Poems*. Moscow: Sovremennik. 5—44. ISBN 5-270-00237-X. (In Russ.).
- Kihney, L. G. (2005). Genre originality of Akhmatova's epitaph lyrics. In: *Anna Akhmatova: Epoch, Fate, creativity: Crimean Akhmatova scientific Collection, 3*. Simferopol: Crimean Archive. 33—46. (In Russ.).
- Kihney, L. G. (2016). The metaphor of grain in O. Mandelstam's poem "I love under the arches of gray silence ..." In: *"A feast is the best image of happiness." Images of a meal in theology and culture*. Moscow: BBI Publishing House. 180—189. ISBN 978-5-89647-336-7. (In Russ.).
- Lekmanov, O. A. (2006). Nikolay Gumilev and the Left Acmeists: new and little-known materials. In: *Gumilev Readings. Proceedings of the International Conference, April 14—16, 2006*. St. Petersburg: SPbGUP Publishing House. 279—283. ISBN 5-7621-0302-1. (In Russ.).

- Mazurik, L. *How the case against the poet Nikolai Gumilev was sewn*. Available at: <https://pravo.ru/process/view/22152/> (accessed 18.10.2021). (In Russ.).
- Mikhailov, A. D. (1989). Andre Chenier — yamba. *Foreign literature*, 7: 145—147. (In Russ.).
- Mikhailov, G. (2010). Poetic initiation of Anna Akhmatova in the sociocultural space 1940—1960 years. *Literatūra*, 52 (2): 63—79. (In Russ.).
- Mints, B. A. (2013). Two editions of O. Mandelstam's poem about St. Isaac's Cathedral: on the problem of polyvariance. *Philological sciences: questions of theory and practice*, 9 (27) / 1: 113—117. (In Russ.).
- Ozerov, A. L. (1994). Mikhail Zenkevich: mystery of silence. In: *Zenkevich, M. A. Fabulous era: Poems. The story. Fictional memoirs*. Moscow: School-Press. 675 p. ISBN 5-88527-075-9. (In Russ.).